

*«Аромат дождя над
морем»*

18+

Vladi V.

«Аромат дождя над морем»

«Автор»

2026

V. V.

«Аромат дождя над морем» / V. V. — «Автор», 2026

Он — блестящий реставратор, который умеет дышать жизнью в мёртвые фрески, но уже много лет бежит от собственной тени. Она — виртуозная скрипачка, чья музыка не просто звучит, а воскрешает души, но за каждый аккорд платит частицей своей жизни. Их встреча на скалистом побережье Бретани становится взрывом — страстным, опасным, неизбежным. Элиан Дюваль никогда не верил в чудеса, пока не услышал игру Изабель Ромеро. А она всю жизнь ждала того, кто расслышит в её мелодиях не только красоту, но и крик о помощи. Их любовь — как солёный ветер и первый поцелуй под дождём. Их страсть — как битва стихий, в которой побеждает только одно: желание быть друг у друга до последнего вздоха. Но у дара Изабель есть цена, и Элиану предстоит сделать выбор: спасти её, пожертвовав собственным разумом, или потерять навсегда. Роман о том, как искусство становится лекарством, а любовь — единственной силой, способной победить смерть. Идеально для тех, кто ценит чувственность, мистику и настоящую глубину чувств.

© V. V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

«Аромат дождя над морем»

Глава

ГЛАВА 1. Солёная рана

Он стоял на обрыве, впиваясь взглядом в линию горизонта, где серое небо целовалось с бирюзовым морем. Ветер трепал полы его льняного пиджака, принося запах водорослей и йода — запах, который Элиан Дюваль ненавидел всем существом. Именно этот запах напоминал ему о том дне, когда он не успел. О том утре, когда волны унесли нечто большее, чем деревянная лодка. Он приехал сюда, в этот забытый богом уголок Бретани, чтобы реставрировать фреску в часовне Святого Иоанна, но реальность оказалась жестче ожиданий: часовня пахла плесенью, а его руки дрожали каждый раз, когда он касался золотого сусального листа.

Элиан был мастером. Не просто реставратором — он вдохновлял мёртвые камни, заставлял их дышать заново. Но в последние полгода даже это дарование ускользало от него, как вода сквозь пальцы. Глаза слезились от ветра, и он отступил от края, чувствуя, как песок хрустит под подошвами его дорогих итальянских ботинок. «Зачем я здесь?» — спросил он у чаек, но птицы лишь рассмеялись гортанными криками.

Он уже хотел развернуться и уйти в сторону деревушки Порт-Блан, как вдруг услышал звук. Нет, не ветер, не шум прибоя — это была музыка. Высокая, тонкая, дрожащая нота, которая пронзила его грудь, как хирургический скальпель. Элиан замер. Он знал этот звук: скрипка, но играли на ней не так, как играют в консерваториях. Это был плач, мольба и обещание одновременно. Она звучала издалека, будто рождалась внутри одной из скал, торчащих из воды.

Он пошёл на звук, сам не осознавая этого. Ноги несли его по тропе, которая сужалась и петляла между дрока и утёсников, пока не вывела к маленькой бухте. Там, на чёрном мокром валуне, сидела девушка. Её волосы, цвета вороньего крыла, развевались на ветру, а скрипка в её руках казалась продолжением тела — изгибистого, хрупкого и одновременно сильного. Она не замечала его, погружённая в свою мелодию, которая была похожа на предсмертный танец морской звезды. Элиан чувствовал, как его собственное сердце начинает биться в такт, и это было пугающе.

Внезапно она остановилась. Резко, словно кто-то перерезал струну. Повернула голову — и он увидел её глаза. Серые, почти прозрачные, с золотыми крапинками, которые сверкали как песок на солнце. В них не было удивления, только какая-то вековая усталость и... узнавание? Будто она ждала его здесь все тридцать один год его жизни.

— Вы слышали, — сказала она голосом, в котором смешались испанская страсть и английская холодность. — Никто не слышит. А вы — слышали.

Это был не вопрос. Элиан открыл рот, но не нашёл слов. Его всегдашняя ирония, его защитная броня из остроумия — всё рассыпалось под взглядом этих серых глаз. Он просто кивнул, как мальчишка, пойманный на краже яблок.

— Моё имя Изабель, — произнесла она, убирая скрипку в футляр, который лежал рядом на камне. — А вы, наверное, тот самый реставратор, о котором мне рассказывал священник. Он говорил, что вы умеете воскрешать святых.

— Элиан, — выдавил он, чувствуя, как солёные брызги покрывают его лицо. — Воскрешать святых — это громко сказано. Я просто чищу краску.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько тайны, что у него перехватило дыхание. Изабель спрыгнула с валуна, легко, как кошка, и подошла к нему вплотную. Он ощутил её запах — не духов, а чистого воздуха, морской соли и старого дерева. Она была чуть ниже его, но казалась невероятно высокой из-за своей прямой спины и гордой посадки головы.

— Завтра в восемь вечера в часовне, — сказала она. — Я буду играть. Приходите. Я хочу, чтобы вы услышали это в том месте, где стены помнят больше, чем люди.

И она ушла, оставив его одного с пульсирующей в ушах тишиной. Элиан стоял, вглядываясь в её удаляющуюся фигуру, и понимал, что с этой секунды его привычный мир перестал существовать. Внутри него, где долгие годы была только пустота, теперь разгоралось что-то опасное, жаркое, похожее на костёр, разведённый в центре собственной гостиной.

В ту ночь он не спал. Он лежал на узкой кровати в гостевом доме и слушал, как дождь стучит в окно, а в голове крутилась та самая нота — высокая, чистая, пронзительная. Он попытался набросать её в своём блокноте, но вместо нотного стана у него получился профиль женщины с серыми глазами. Элиан вырвал лист и скомкал его. «Это просто влечение, — сказал он себе. — Просто физика. Ты же мужчина, ты знаешь, что такое похоть». Но внутри он знал, что это не похоть. Это было нечто, чему он не смел дать название.

ГЛАВА 2. Скрипка и известь

Утро встретило его серой пеленой дождя, но Элиан не чувствовал привычной тоски. Наоборот, в воздухе витало электрическое возбуждение, как перед грозой. Он пришёл в часовню раньше положенного, натянув рабочий комбинезон и вооружившись кистями. Фреска, над которой он должен был работать, изображала сцену воскрешения Лазаря — выцветшие, потрескавшиеся краски, которые когда-то были киноварью и ультрамарином. Но сейчас его мысли были далеки от библейских сюжетов. Он смотрел на скамьи, на алтарь, на высокие стрельчатые окна, через которые пробивался тусклый свет, и представлял, как в этом пространстве зазвучит её скрипка.

Часы пробили восемь, и дверь скрипнула. Изабель вошла, неся футляр как священный ковчег. На ней было простое чёрное платье, открывающее плечи, и намокшие волосы струились по спине. Она посмотрела на фреску, потом на Элиана, и в её глазах мелькнула улыбка.

— Вы начинаете с Лазаря, — заметила она. — Символично. Ведь вас позвали сюда, чтобы оживить мёртвое.

— Я предпочитаю не драматизировать, — сухо ответил он, хотя сердце колотилось как бешеное. — Просто работа.

Изабель не ответила. Она открыла футляр, достала скрипку работы неизвестного итальянского мастера, которую Элиан сразу оценил как редчайший экземпляр. Затем она встала

в центре часовни, прямо под остатками купола, и закрыла глаза. Молчание длилось так долго, что он уже хотел окликнуть её, как вдруг она провела смычком по струнам.

Звук был другим, чем вчера. Не плачем, а дыханием самой архитектуры. Казалось, что камни начали вибрировать в такт, а старая известь — петь. Элиан почувствовал, как по его позвоночнику пробежали мурашки. Изабель играла не произведение — она создавала реальность. Мелодия то поднималась к сводам, то опускалась к полу, обволакивая его с ног до головы. Он видел, как её пальцы бегают по грифу, как напрягаются мышцы её руки, как она откидывает голову назад, открывая горло — незащитное и прекрасное.

И в какой-то момент он понял, что больше не смотрит на неё как на музыкантку. Он смотрел как мужчина. Его взгляд скользил по изгибу её шеи, по ложбинке между ключиц, по тому, как чёрное платье обтягивает её грудь, вздымающуюся от глубокого дыхания. Желание, острое и физическое, пронзило его живот, заставив сжать пальцы в кулаки. Он хотел подойти к ней, прижать к колонне, зацеловать эту шею, услышать, как её дыхание сбивается не от музыки, а от него.

Но он сдержался. Он был слишком горд, чтобы наброситься на незнакомку в часовне, и слишком испуган тем, что она могла прочитать в его глазах.

Изабель закончила. Последняя нота затихла в воздухе, и наступила такая тишина, что было слышно, как капли дождя стекают по оконному стеклу. Она опустила смычок и посмотрела на него — прямо, без тени кокетства.

— Вы что-то почувствовали, — сказала она. — Я вижу это по вашим глазам. Они стали темнее.

Элиан усмехнулся, пытаясь вернуть маску циника:

— Возможно, просто усталость. Или недостаток кофеина.

Она рассмеялась — низко, гортанно, и это смех ударил его ниже пояса. Затем она подошла к нему, так близко, что он чувствовал тепло её тела. Она положила ладонь ему на грудь — туда, где сердце бешено колотилось под рёбрами.

— Не лгите мне, Элиан. Я слышу ложь лучше, чем ноты. У вас камень на душе. И вы пришли сюда не за красками. Вы пришли за забвением. Но я вам не дам его, — прошептала она почти в губы. — Я дам вам совсем другое.

Она отступила так же внезапно, как и подошла, и направилась к двери, оставляя за собой аромат мокрой шерсти и цветов, которых здесь не могло быть. Элиан остался стоять, пытаясь перевести дыхание. Его руки дрожали, а в паху пульсировала тягучая, горячая тяжесть. Он не знал, что это было — магия, безумие или любовь, но он уже знал точно: он пропал.

ГЛАВА 3. Договор с дьяволом

Прошло три дня. Элиан работал как одержимый, покрывая фреску тончайшими слоями левкаса, но его мысли были заняты только одним: образом Изабель. Он искал встречи с ней — приходил в бухту, бродил по деревне, расспрашивал местных, но все лишь пожимали плечами. «Девушка со скрипкой? Да, видим иногда. Она появляется и исчезает, как туман». Это сводило его с ума.

На четвёртый день он решил действовать иначе. Вместо часовни он пошёл на скалистый мыс, откуда открывался вид на океан, и уселся прямо на мокрый камень, глядя вдаль. Дождь моросил, проникая под воротник куртки, но он не чувствовал холода. В какой-то момент он услышал шаги за спиной и обернулся. Изабель стояла, прислонившись к валуну, и смотрела на него с лёгкой усмешкой. На ней был длинный шерстяной плащ и высокие сапоги, а волосы были заплетены в толстую косу.

— Вы меня искали, — констатировала она, и в голосе звучало удовлетворение. — Я знала, что вы придёте. Не сюда, а именно ко мне. Но не потому, что я вам нравлюсь, Элиан. А потому, что я вам нужна.

Он встал, чувствуя, как затекли ноги. Подошёл к ней почти вплотную, глядя сверху вниз. Теперь он видел не только её глаза, но и родинку у уголка губ, и лёгкий румянец на скулах, и то, как её дыхание участилось, когда он оказался так близко.

— Вы слишком самоуверенны, — сказал он, но голос его охрип.

— Это не самоуверенность. Это знание. Я видела вас во сне, — ответила она без тени смущения. — Задолго до того, как мы встретились. Вы снились мне человеком, который умеет прикасаться к мёртвому и делать его живым. Я ждала вас всю жизнь.

Элиан почувствовал, как его внутренний циник взбунтовался, но другая часть — та, что жила в тени его сознания, — захотела поверить. Он протянул руку и коснулся её щеки — осторожно, словно проверяя, настоящая ли она. Кожа оказалась тёплой, шершавой от ветра, и когда его большой палец скользнул по её скуле, она закрыла глаза. Это был момент откровения. В нём не было пошлости — только чистое, электрическое прикосновение двух одиночеств.

— Я хочу вас, — выдохнул Элиан. — Не как музу. Не как загадку. Как женщину. Это неправильно, это невозможно, но я хочу вас до боли.

Она открыла глаза, и в них плескалась такая же жажда. Изабель взяла его руку и прижала к своей груди — он почувствовал биение её сердца, такое же бешеное, как у него.

— Тогда перестаньте говорить, — прошептала она. — Мужчины, которые умеют воскрешать, должны уметь и любить. Иначе они просто ремесленники.

Она притянула его голову к себе и поцеловала. И этот поцелуй был не нежным началом, а взрывом. Их языки сплелись, зубы столкнулись, а руки Элиана вцепились в её плащ, стягивая его с плеч. Дождь всё лил, но они не замечали этого. Он чувствовал запах её волос, вкус морской соли на её губах, и его эрекция стала настолько явной, что он даже не пытался это скрыть. Он прижал её к скале, втираясь в неё бедрами, и она застонала — глубоко, протяжно, как та самая нота.

— Здесь, — хрипела она. — Прямо здесь. Я хочу, чтобы дождь видел нас. Чтобы море помнило.

Он опустился на колени, задирая её платье, покрывая поцелуями внутреннюю сторону её бёдер, вдыхая её запах — влажный, острый, женский. Его язык нашёл её клитор, и она

вскрикнула, вцепившись пальцами в его волосы. Элиан действовал яростно и нежно одновременно, как реставратор, который знает, где нужно надавить, а где — лишь коснуться. Она кончила быстро, содрогаясь всем телом, и это зрелище — её раскрасневшееся лицо, запрокинутая голова и биение дождя по её коже — стало для него откровением.

Но он не остановился. Он встал, расстегнул джинсы, и она сама нашла его член, направив внутрь себя, мокрую и горячую. Их соединение было грубым, почти звериным — она кусала его плечо, он сжимал её ягодицы, вбиваясь в неё снова и снова. Вокруг шумел океан, но единственным звуком, который они слышали, было их собственное дыхание, сливающееся в единый ритм. Кульминация наступила одновременно, когда мир взорвался белым светом, и Элиан закричал в её волосы, чувствуя, как его семя выплёскивается внутрь неё.

Они рухнули на мокрые камни, обессиленные, дрожащие, но счастливые. Изабель провела рукой по его лицу, стирая капли дождя и слёзы — чьи именно, она не знала.

— Теперь ты мой, — сказала она. — И я твоя. Но запомни, Элиан: за это счастье придётся платить.

ГЛАВА 4. Изнанка дара

После той ночи Элиан не мог мыслить здраво. Он работал над фреской с лихорадочной скоростью, но каждая линия, каждый оттенок напоминали ему об изгибе её тела. Изабель приходила в часовню каждый вечер, но теперь она не играла. Она сидела в углу, наблюдая за ним, и это наблюдение было слаще любой музыки. Иногда она вставала и подходила, касалась его затылка, шептала что-то на испанском, и он бросал кисти, чтобы снова обладать ею — на алтарном камне, на полу, прижав к распятию.

Но в их страсти появилась тень. Однажды она пришла с синяком на запястье. Элиан схватил её за руку, требуя объяснений, но она лишь отмахнулась:

— Это от скрипки. Иногда я сжимаю её слишком сильно.

Он не поверил. В его душе проснулась ревность, древняя и цепкая. Он начал следить за ней, сам не понимая зачем. И однажды вечером он увидел её у старого портового кафе в компании мужчины — высокого, седого, с пронзительным взглядом. Это был Леон Кастель, её наставник. Элиан подошёл неслышно и услышал обрывок разговора:

— ...ты тратишь свой дар на этого француза? Он всего лишь реставратор, Изабель. Ему не дано понять, что твоя музыка — это мост между мирами. Ты рискуешь потерять слух.

— Я знаю, — ответила она, и голос её дрожал. — Но он... он слышит. По-настоящему.

Леон хмыкнул:

— Слышать и принимать — разные вещи. Скажи ему правду о себе. О том, что ты не просто играешь, а вызываешь духов. О том, что каждый раз, когда ты касаешься смычка, ты отдаёшь частицу своей жизни. Или молчи дальше, но тогда он уйдёт, как все.

Элиан замер. Духи? Жизненная сила? Он думал, что это была метафора, поэтическое преувеличение. Но в голосе Леона звучала такая смертельная серьёзность, что по спине пробежал холод.

Он не выдал себя. Ушёл обратно в часовню и просидел там до рассвета, глядя на фреску, которая вдруг показалась ему не шедевром, а насмешкой. Её сюжет — воскрешение мёртвого — теперь играл новыми красками. Что, если Изабель действительно обладала даром, который она скрывала? И что, если их любовь была лишь частью её «платы»?

Когда она пришла утром, он встретил её холодно. Она сразу почувствовала перемену.

— Ты знаешь, — прошептала она, побледнев. — Леон сказал тебе?

— Ты скрыла от меня правду, — ответил он, сжимая кулаки. — Ты назвала меня своим, но не сказала, что за это придётся отдать душу. Это не любовь. Это сделка.

Она не стала оправдываться. Вместо этого она подошла к фреске и провела пальцем по лику Христа. И вдруг краски на том месте засветились — настоящим, золотым светом.

— Каждый раз, когда я играю, я отдаю частицу своего времени, — сказала она тихо. — Моя жизнь сокращается на минуту за каждой сыгранной минутой. Но я могу делать невероятное — я могу исцелять, воскрешать эмоции, дарить надежду. И когда я увидела тебя, я поняла, что ты — единственный, ради кого я готова отдать всё. Даже последнюю минуту.

Элиан смотрел на светящиеся краски, на её бледное лицо и чувствовал, как его мир рушится и перестраивается заново. Он подошёл и обнял её, прижимая к себе так крепко, будто хотел слить их кости воедино.

— Тогда мы будем любить так, чтобы каждая секунда стоила вечности, — прошептал он в её волосы. — Но никаких секретов больше. Только правда. И только мы.

ГЛАВА 5. Часовня на исходе

Следующие две недели стали для Элиана и Изабель временем бесконечных откровений. Он рассказал ей о своей трагедии — о том, как пять лет назад его невеста утонула в море, и он, будучи рядом, не смог её спасти из-за собственной трусости. Он не нырял за ней, потому что боялся глубины. И эта трусость сжирала его изнутри, превращая жизнь в бесконечную реставрацию чужих шедевров, чтобы только не создавать свои. Изабель слушала, не перебивая, а затем взяла его лицо в ладони и сказала:

— Ты не трус. Ты человек. И твоя боль — это часть твоей силы. Смотри.

Она принесла свою скрипку и сыграла мелодию, которую он никогда не слышал. Это была не музыка — это был его собственный крик, извлечённый из глубин его души и превращённый в звук. Он плакал, стоя на коленях в этой старой часовне, и чувствовал, как камень, лежащий у него на сердце, начинает трескаться.

Затем они занимались любовью под этим звуком — медленно, почти благоговейно, как будто каждый толчок был молитвой. Он целовал её плечи, её грудь, её живот, опускаясь всё ниже, пока она не застонала, вплетая его имя в аккорды. Она кончила, когда он вошёл в неё сзади, стоя на коленях перед алтарём, и в этот миг витражи засияли, будто их подсветило солнце, хотя за окном была глубокая ночь. Семя Элиана смешалось с её влагой, стекая по её ногам, и он чувствовал, что впервые за долгие годы он не просто трахает, а создаёт — свою собственную реальность.

Но их идиллия оборвалась в тот вечер, когда Леон пришёл в часовню с известием: у него рак, и жить ему осталось всего несколько месяцев. Изабель рыдала у него на груди, а Элиан стоял в стороне, понимая, что теперь её дар понадобится не ради искусства — ради спасения. Она решила сыграть «Реквием для умирающего», который отнимает целый год жизни у музыканта, но может подарить больному ещё десять лет.

Элиан пытался её отговорить. Он кричал, что не позволит ей жертвовать собой. Но она посмотрела на него такими глазами, в которых читалась судьба, и сказала:

— Ты воскрешаешь фрески. Я воскрешаю людей. Это наше предназначение. Если ты любишь меня, ты будешь рядом, когда я сыграю. И ты запомнишь этот звук, чтобы никогда не бояться смерти.

Он сдался. В ночь перед исполнением они занимались сексом с такой яростью, что сломали скамью в часовне. Она царапала его спину, он впивался зубами в её шею, оставляя следы. Они оба знали, что это может быть последний раз, когда она цела. Его член был твёрдым и требовательным, она принимала его в себя до самых пределов, и их оргазмы смешались в один долгий, мучительный крик, который, казалось, раскалывал своды.

А затем наступил день. Изабель сыграла. И Леон выздоровел. Но она упала без чувств, и Элиан подхватил её, чувствуя, как её пульс становится слабее, как редееет нить её жизни. Он нёс её по мокрому берегу, проклиная небеса и моля о чуде, но внутри знал: их история только начинается. Потому что теперь он должен был сделать выбор — отпустить её, чтобы она жила своей трагической судьбой, или остаться и разделить с ней этот дар, став таким же жертвенным безумцем.

В этой главе любовь и смерть переплелись так тесно, что грань исчезла. И когда Изабель открыла глаза в его объятиях, на её губах была улыбка, которая говорила: «Мы справимся, мой реставратор. Мы справимся».

ГЛАВА 6. Испанский ветер

Они покинули Бретань на рассвете, когда небо ещё было цвета старого серебра, а чайки провожали их пронзительными криками. Изабель сидела у окна поезда, положив голову на плечо Элиана, и её дыхание было тихим и ровным, но он знал — она не спала. Она смотрела на проносящиеся мимо поля и рощи, на серые камни, сменяющиеся зелёными холмами, и в её глазах читалась тревога, которую она тщательно прятала за маской спокойствия. Элиан сжимал её пальцы, переплетая их со своими, и чувствовал, как её кожа — прохладная, чуть шершавая от морского ветра — вибрирует едва уловимо, будто внутри неё продолжала звучать та самая мелодия, которую она сыграла для Леона. Он знал: она отдала год своей жизни, чтобы спасти старого дирижёра, и теперь этот год висел между ними, как невидимый меч.

— Ты боишься, — сказал он не вопросом, а утверждением.

Она повернула к нему лицо, и в серых глазах плеснулась усталая улыбка.

— Я боюсь не дороги, Элиан. Я боюсь того, что моя мать увидит тебя и поймёт то, что я пытаюсь скрыть даже от себя.

— И что же ты пытаешься скрыть?

Она помедлила, затем провела ладонью по его щеке, глядя жёсткую щетину, которая отросла за ночь.

— Что я люблю тебя не как человека, который дополняет меня. Я люблю тебя как человека, который разрушает меня. И воссоздаёт заново. Мать — она чувствует это на расстоянии. Она испанка, мы все чувствуем такие вещи слишком остро.

Элиан усмехнулся, хотя внутри всё сжалось. Он не привык быть объектом чьего-то страха. Обычно пугались его — его холодности, его цинизма, его умения отстраняться. Но с Изабель он потерял всякую способность к отстранению. Он был здесь, в этом поезде, с этой женщиной, и готов был ехать за ней хоть на край света, даже если край света оказался бы домом её матери в маленьком андалузском городке, где белые стены обжигали солнцем, а в воздухе пахло апельсиновыми цветами и горечью старых тайн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.